

О некоторых семантических коррелятах формального варьирования идиом (операция замены)¹

Semantic correlates of formal variation in the field of idiomatics (the operation of substitution)

Баранов А. Н. (baranov_anatoly@hotmail.com)

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва

В докладе обсуждается проблема формального варьирования идиом. Основной предмет анализа — операция замены компонентов идиомы. Разработана классификация типов замены, основанная на эмпирическом исследовании материала. Основное теоретическое допущение заключается в том, что формальное варьирование сопровождается относительно регулярными преобразованиями семантики идиом, причем в реальном употреблении эти семантические модификации выполняют в тексте определенные дискурсивные функции. В докладе показано, что одна из важнейших дискурсивных функций операции замены — языковая игра.

1. Введение в проблему

Вариативность представляет собой весьма распространенное явление в системе языка. Она проявляется на всех уровнях языковой системы — от фонетики и морфологии до варьирования макроструктуры текста. Описание варьирования языковых выражений часто оказывается затрудненным из-за неясности соотношения варьируемых форм с изменениями в их плане содержания, а также из-за сложности определения базовой формы, от которой, собственно, и следовало бы «отсчитывать» варьирование. Особенно сложным описание варьирования оказывается для сферы фразеологии. Из-за особенностей устройства фразеологизмов — формально они выглядят как словосочетания и предложения, а содержательно являются единицами словаря — варьирование идиом, коллокаций и пословиц столь разнообразно, что в ряде случаев неясно, имеем ли мы дело с варьированием одного фразеологизма или речь идет о двух (и более) разных фразеологизмах. Ср., например, случаи типа *вынуть сердце* —

вынуть душу; стоять за спиной — *стоять за плечами; как с неба свалиться* — *как с луны свалиться*.

Формальные преобразования могут быть описаны как операции, применяемые к стандартной форме идиомы, в результате которой появляется ее модификация. Несмотря на то, что формальное варьирование во фразеологии изучается уже очень давно (см., например, [Абрамович 1964; Диброва 1981; Лавров 1983]) и даже имеются специальные словарные издания, ставящие задачу исчисления способов варьирования фразеологизмов [Мелерович, Мокиенко 1997], связь между формальным варьированием и его влиянием на семантику остается не раскрытой в должной мере. Кроме того, важно установить и дискурсивную функцию операции замены. Иными словами, что это — ошибка в речи в условиях дефицита времени, языковая игра или попытка скрытого воздействия на собеседника? Данный доклад посвящен описанию одного из фрагментов этой многообразной системы варьирования — операции замены компонента идиомы — и тем следствиям в плане содержания идиомы, к которым она приводит, а также

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 07–04–12117в

дискурсивным функциям формального варьирования указанного типа².

2. Операция замены: подобие мишени замены источнику замены

Операция замены может быть охарактеризована по-разному. Например, с точки зрения мишени замены (МЗ) — того, что заменяется (словосочетание, слово, часть слова), с точки зрения источника замены (ИЗ) — того, чем заменяется мишень замены. Определенный интерес представляет анализ синтаксических и морфологических свойств компонентов идиом — как заменяемых, так и тех, которые используются для замены. Однако куда более интересным оказываются не чисто формальные характеристики, а выявление семантических отношений между объектом и источником замены. В самом общем случае МЗ и ИЗ могут быть связаны отношениями семантического **подобия** и **различия**.

В имеющемся материале отношение подобия реализуется в следующих вариантах.

2.1. Синонимическое преобразование МЗ

В качестве ИЗ для объекта замены выступает его полный или частичный синоним. Это наиболее очевидное выражение отношения семантического подобия между МЗ и ИЗ, ср. примеры группы (1):

- (1) **а.** *Впрочем, выставка, прошедшая тут недавно, делалась совсем не для того, чтобы **бросить еще один бульжник** [вместо: бросить камень] в несчастного, из которого бесчеловечная эпоха сотворила миф — восковую фигуру с заострившимся носом, провалившимся щеками и яростно горящим слепым взором. [Столица.]* **б.** *У детей **тормоза** страха и совести **работают** еще **плохо** [вместо: тормоза отказали], и поэтому даже матерые волки преступного мира побаиваются попасть в лапки расшалившихся детенышей. [Столица]* **в.** *Очи, за реку глядя, проглядел я все, право, / Хоть бы пиктограмму он предпослал, / родственник милый, / Так-то, мол, и так-то, такие-де у меня планы, / Иначе же и кинуться куда — ума не приложишь, / Вечно с дядей таким **шиворот-наоборот** [вместо: шиворот-навыворот] происходит. [Саша Соколов]*

² В качестве источника использовалась база данных по современной идиоматике, включающая более 50 тыс. контекстов употребления идиом в художественной литературе и публицистике 60–90 гг. База данных разработана в Отделе экспериментальной лексикографии Института русского языка РАН.

Дискурсивный потенциал этого преобразования четко выделить не удастся, поскольку во многих случаях процедура синонимической замены может интерпретироваться адресатом просто как невольная оговорка — так часто бывает и на самом деле. Однако иногда возникает отчетливый игровой эффект. Интересно, что чем менее тривиален синоним, тем больше вероятность игровой интенции говорящего, ср. выше контекст (1в), в котором в качестве ИЗ используется не вполне тривиальный синоним. Ср. также (1г, д):

- (1) **г.** *Дерзай и ты, мое неприятельное перо, воздай обольстительнице за содеянное: **сорви** с нее, образно говоря, **фарисейские облачения** [вместо: сорвать покровы] <...> [Саша Соколов] **д.** *При этом так ругался по-латыни, / Что скифы эти **корчились в гробах**. [вместо: переворачиваться в гробу] [В. Высоцкий]**

Важно отметить, что дискурсивные функции операции замены на синоним (и ряда других видов операции замены) в определенном смысле противопоставлены категории значимого варьирования [Баранов, Паршин 1986], позволяющей по-разному описывать одну и ту же ситуацию (ср. *бутылка наполовину полна vs. бутылка наполовину пуста*). Дело в том, что значимое варьирование как средство скрытого воздействия на адресата предполагает не только аспект различения (то есть внесение смысловых различий в варьируемые формы), но и аспект отождествления — принципиальную возможность отождествления варьируемых форм. Только в этом случае варьирование оказывается инструментом скрытого воздействия. Однако аспект отождествления при варьировании формы идиом существенно ослаблен, поскольку базовая, исходная форма идиомы в большинстве случаев фиксирована в сознании носителя языка, входя в его «ментальный лексикон». Иными словами, замена слова в идиоме на синоним практически всегда воспринимается как отклонение от стандарта, что затрудняет возможность отождествления варьируемых форм как «одного и того же». Следовательно, и дискурсивный потенциал такого вида варьирования как средства скрытого воздействия весьма и весьма ограничен.

Иногда игровой эффект возникает при необходимости замены слова в идиоме на квазисиноним для сохранения рифмы, ср. характерный пример из В. Высоцкого: Но если **туп, как дерево** [вместо: туп как бревно, туп как пень] — родиться бабабом / И будешь бабабом тышу лет, пока помрешь. Впрочем, в последнем случае ИЗ лексема *дерево* (или *пень*) семантически поддержана материализацией метафоры — рассуждениями о бабабабе.

Среди случаев синонимического преобразования МЗ (также с игровым эффектом) можно рассмотреть сравнительно редкий вариант использования

в идиоме слова другого языка, аналогичного по значению МЗ, ср. *Кто есть ху, как сказал Горбачев* (заголовки) [Известия].

2.2. Замена на «функциональный» синоним

Эта группа преобразований непосредственно примыкает к предшествующей. В качестве ИЗ выступает слово, явно не синонимичное МЗ в общем случае, но аналогичное ему по функции в данной ситуации. Ср. (1ж) Чтобы стать цивилизованными не по наряду, не на словах, а на деле, нужно прежде всего сбросить эту гирию, по капле **выдавить из себя «совка»** [вместо: *выдавливает из себя раба*] — иждивенца и нытика, волевым усилием попытаться, по крайней мере, перестроить собственную ментальность, не щадя и того, что глубоко в нас засело, настолько глубоко, что воспринимается уже либо как знак национальной идентичности, либо как черта характера. [Столица]

Дискурсивные функции замены такого рода аналогичны синонимическому преобразованию МЗ, рассмотренному выше.

2.3. Стилистическая модификация МЗ

В качестве ИЗ выступает слово, находящееся в другом стилистическом регистре — стилистический синоним:

(2) а. Ты надежды на скорый отход мой покинь, еще помаячу там-сям, еще **помозолю гляделки** [вместо: *мозолить глаза*] некоторым чуток, постою над душой у некоторых, послезит еще к небу бельмо мое. [Саша Соколов] б. И сказал Господь: «Да **восчешутся руки** [вместо: *руки чешутся*] мои, да возложутся на ребра твои, и сокрушу я их». Так и с недругом будет моим! — мне врач обещал, что к четвергу так и будет. [В. Высоцкий] в. И классику опять охота надеяться. Во-первых, на то, что читатель кинется изучать его классические первоисточники. Во-вторых, что в этой связи можно будет отлично **выспаться на лаврах** [вместо: *почивать на лаврах*]. [М. Мишин]

С дискурсивной точки зрения примеры данного типа по большей части носят явно игровой характер, поскольку очевидно, что выбор стилистического синонима для замены в идиоме — это не случайная ошибка, вызванная дефицитом времени в языковом оформлении своей мысли, а намеренное преобразование базовой формы идиомы в стремлении создать эффект «мерцания» семантики: от базовой формы к модификации и наоборот. Причем не следует думать, что во всех случаях такая игра пресле-

дует какие-то глубокие цели речевого воздействия. Часто эффект мерцания и становится самоцелью, поскольку и в этом случае достигается важнейшая особенность языковой игры — создание нескольких слоев смысла высказывания.

Некоторым умельцам удается достичь аналогичного игрового эффекта и при замене одного слова сниженного регистра речи — на другое с такой же сниженной стилистической характеристикой, ср. контекст из Саши Соколова: Верим-верим, ты у нас марафонить известный мастак, вон мослыто себе отрастил — первый сорт, и сухие и долгие, нам ли с нашими **бестолковыми моськами в калашный ряд** [вместо: *со свиным рылом*], а тем паче Илье-Безобразнику.

2.4. Словообразовательная модификация МЗ

В этот раздел попадают, в частности, те случаи, когда источник замены представляет собой словообразовательный вариант МЗ, образованный, например, с помощью уменьшительных суффиксов, ср. (3а, б)

(3) а. *Весь вывернусь наружу я — / И голенькую правду* [вместо: *голую правду*]/ *Спою других не хуже я / Про милое оружие...* [В. Высоцкий] б. *У детей тормоза страха и совести работают еще плохо, и поэтому даже матерые волки преступного мира побаиваются **попасть в лапки*** [вместо: *попасть в лапы*] *расшалившихся детенышей.* [Столица]

Дискурсивный потенциал варьирования такого рода весьма разнообразен — от явно игрового употребления в (3а), до семантически мотивированного употребления *лапки* — вместо *лапы* — по отношению к «детенышам». Но опять-таки использование данного способа для скрытого речевого воздействия маловероятно.

2.5. МЗ и ИЗ — элементы отношения 'род vs. вид', 'вид vs. род'

Семантическое подобие между элементами родо-видового отношения обеспечивается нахождением в одном таксоне семантического тезауруса, ср. (4), (5)

(4) [замена вида на род] *О, Марина, **первая птичка*** [вместо: *первая ласточка*] *Запада, залетевшая по запаху на оттепель в наш угол!* [В. Аксенов] *Но идеал **связать не мог** / В археологии **двух строк***, [вместо: *не мочь связать двух слов*] — / *И Федя его снова закопал.* [В. Высоцкий]

(5) [замена рода на вид] а. Но вы сами **извилиной пошевелите** [вместо: шевелите мозгами], куда я с данной вакансии соскочу, где еще дармового горючего вам всем неприкаянным, нацезу. [Саша Соколов] б. Нет, я лучше — от и до, / Что и как случилось: / Здесь **гадючее гнездо** [вместо: змеиное гнездо], / "Юность", получилось. [В. Высоцкий] г. Показываются те стрекулисты, недомерки в шестнадцать мальчишеских, и ведут мою профурсетку на **лобную поляну** [вместо: лобное место] любви. [Саша Соколов]

В качестве сравнительно редкого варианта встречается такой тип замены, при котором и МЗ, и ИЗ принадлежат одному таксону тезауруса, находясь на одном уровне абстракции, ср. (5) д. Сказать после этого очень короткого представления: «Я не понимаю обэриутов» — способен разве что инопланетянин, **свалившийся с Золотой Звезды** [вместо: с Луны свалиться] имени Семена Бабаевского. Ведь А. Введенский — через Пономарева — все объяснил. Довел до ума — игривого, но все же не изгравшегося. [Столица] Разумеется, в последнем примере замена далеко не симметричная, поскольку звезда выступает здесь не как небесное тело, а как наградной знак. Тем не менее, в процессе игрового употребления актуализуется и прямое значение слова звезда. Близкий способ игрового преобразования обсуждается ниже в 2.7.

2.6. МЗ и ИЗ — элементы отношения 'объект vs. материал объекта'

Таких примеров почти нет, хотя очевидно, что такой тип замены семантически совершенно прозрачен. В эту группу попадает уже упоминавшийся выше пример (6) Но если **туп, как дерево** [вместо: туп как бревно, туп как пень] — родишься баобабом / И будешь баобабом тыщу лет, пока помрешь. [В. Высоцкий]. Однако такое отнесение правомерно, если **дерево** понимается как материал, а не как объект (этому противоречит последующая материализация метафоры).

2.7. МЗ и ИЗ — элементы отношений 'объект X vs. части X-а', 'часть X-а vs. другие части X-а'

Ср. (7).

(7) а. Он туда, сюда, уж и ЦК партии подключил — все-таки он генерал армии, а **не хвост собачий** [эвфемистическая замена обценной идиомы не х.. собачий] — и, значит, в конце концов, своего добился, дали ему билет на какой-то не-

суразный, строго закрытый поезд специального назначения. [В. Пьецух] б. Не замечать за собой ничего дурного. Пусть **левая твоя ноздря не ведает, куда сморкнулась правая** [вместо: левая рука не ведает, что творит правая]. [В. Ерофеев] в. «А вы не **ошиблись замком?**» спросил Модерати. «Не думаю», отвечал Палисандр. «Это ведь Мулен де Сен ЛУ?» [Саша Соколов] г. Не вызывает сомненья, что тут и спал, и слегка погодя, во избежание недоумков с держащими власть, промыслил патент. Каким Макаром — **статья одиннадцатая** [вместо: статья десятая], но заказов набрал — кот наплакал, приходилось вертеться по местным составам и перелицовывать кой-что из старья. [Саша Соколов] д. Центр постарался сделать все возможное, чтобы в ходе подготовки к референдуму сыграть на патриотических чувствах людей и, образно говоря, **убить сразу даже не двух, а трех зайцев** [вместо: убить двух зайцев] [Столица]

В примерах (7г,д) в качестве целого — X-а — выступает натуральный ряд.

Целое (X) может быть представлено и общим таксоном семантического тезауруса, в который входят мишень замены и источник замены, ср. (8)

(8) а. Мой первый заместитель по "Щиту" полковник Кудинов обещает **съесть свою папаху** [вместо: съесть свою шляпу], если генерал-полковник Ачалов сумеет хоть раз подтянуться на перекладине... [Столица] б. ...я и **пару ломаных юаней**, /будь я проклят, / За эти иксы-игреки **не дам!** [вместо: и ломаного гроша не дать] [В. Высоцкий] в. А каково чувствовать себя мышкой, к которой играет гигантская кошка — будь то ГАИ, паспортный стол и т.д. и т.п., — и метаться по неустроенной этой, несчастной стране, постоянно рискуя попасть в ловушку, постоянно чувствуя над собой занесенную когтистую лапу закона! Даже предполагая, в случае чего, избежать опасности, эту **лапу позолотив** [вместо: позолотить ручку]. Впрочем, это уже — следующая ловушка. [Столица]

Отношение между элементами таксона X в примерах типа (8) не всегда симметричны. Так, хотя и шляпа и папаха входят в таксон 'головные уборы', папаха, конечно, менее стандартна как пример головного убора, чем шляпа. Аналогично, юань, с точки зрения носителя русского языка, менее парадигмальный пример денег, чем грош³. На этом, собственно и строится языковая игра. С другой стороны, в примере (8в) сам таксон (нечто вроде 'ко-

³ Не очевидно, что так будет и в будущем.

нечности людей и животных') достаточно уникален, что тоже служит неплохой основой для игрового экспериментирования.

2.8. МЗ фонетически подобна ИЗ

Как показывает функционирование языка, особенности устройства формы выражения отнюдь не автономный параметр языкового знака. Структурализм в этом смысле явно упрощал реальную ситуацию. Например, фактор рифмы оказывает существенное влияние на формирование устойчивых фразеологических оборотов [Баранов, Добровольский 2008]. С другой стороны, и форма печатного знака существенна для выражения смысла в культурной традиции: так, специфика иллокутивной семантики текста рекламы определяет репертуар гарнитур, которые могут быть использованы для передачи нужной семантики [Баранов, Паршин 1989]. Фонетическое уподобление широко используется как вариант операции замены при варьировании формы идиом, причем чаще всего с игровым эффектом, ср. (9).

(9) а. Неожиданно Гурин произнес: — Сколько же они народу передавали? — Кто? — не понял я. — Да эти барбосы... Ленин с Дзержинским. **Рыцари без страха и укропа...** [вместо: рыцари без страха и упрека] [С. Довлатов] б. Ох, проявите интерес к моей персоне! / Вы, в общем, сами тоже — форменная соня: / Без задних ног уснете — ну-ка добудись, — / Но здесь сплю я — **не в свои сони не садись!** [вместо: не в свои сани не садись] [В. Высоцкий] в. Признайтесь-ка, кстати, скольких вы совратили, бесчестный оборотень. Доверьтесь, доверьте нам наше число по секрету. Исключительно антер ну — да ну же, **честное пенсионерское**, мы никому не скажем. [Саша Соколов] г. Не худой, все заметят, Илья себе челночек прикукобил, те так себе. А вы как думали, я скажу, полагали — **луком я шит** [вместо: не лыком шит], дулей делан? [Саша Соколов] д. Десяти лет не прошло, как Алексей Максимович ругательски ругал Ленина за злостные опыты над Россией, а уже он бичевал мягкотелую интеллигенцию и ее **«кочку зрения»** [вместо: точка зрения], восхищался темпами сноса Иверской часовни, укорял в мецанстве Канта, Толстого и Достоевского <...> [Столица]

В отличие от синонимических и квазисинонимических замен, фонетическое уподобление вполне пригодно для речевого воздействия, поскольку сходство означающих МЗ и ИЗ предполагается как основное условие данного преобразования. Фонети-

ческое сходство может использоваться для того, чтобы ввести МЗ и ИЗ в один ассоциативный ряд⁴. Последствия этого могут быть самыми различными — от снижения ценностного статуса МЗ (ср. *рыцарь без страха и упрека* vs. *рыцарь без страха и укропа, точка зрения* vs. *кочка зрения*⁵) до усложнения плана содержания языкового выражения за счет актуализации потенциальной омонимии (ср. *не в свои сони не садись* vs. *не в свои сани не садись*). В последнем случае возникающий второй смысловой план часто связан с предшествующей семантикой текста, с описываемой ситуацией, теми или иными прагматическими факторами коммуникативного взаимодействия и т. д.

Интересно, что иногда введение в ассоциативный ряд не требует фонетического уподобления: в этих случаях оказывается достаточным фактор устойчивости самой структуры идиомы, ср. *И страшно даже подумать, что было бы, если бы страна прислушалась к советам демократов типа Явлинского, и вместо того, чтобы принять Конституцию, передала бы «этому» парламенту функции Учредительного собрания. Тогда бы узнали, почему фунт Жириновского* [вместо: почему фунт лиха] [Московский комсомолец].

Фонетическое подобие часто оказывается причиной ошибки, сбоя в коммуникации, который тем не менее может интерпретироваться другими участниками ситуации общения как языковая игра, ср. (10) Наиболее яркими <...> были стилистические погрешности и печатки: «В октябре Мишутке кануло тринадцать лет...» (Рассказ «Мишуткино горе...»); «Да **будет** ему **земля прахом!** [вместо: *пухом*] — кончил свою речь Одинцов...» (Рассказ «Дым поднимается к небу...») [С. Довлатов].

3. Операция замены: различие между источником замены и мишенью замены

Что касается отношения **различия**, то на этот вид замены приходятся только антонимические преобразования. Это объясняется тем, что незна-

⁴ Подробнее о приеме «замазывания», или введения в отрицательно оцениваемый контекст/ассоциативный ряд, см. [Баранов 2007, с. 179 и далее].

⁵ В данном случае варьирование совершенно сознательное. Противопоставление словарного и авторского употребления идиомы даже вынесено автором в название статьи, а статья эта — «О кочке и о точке» (1933) — принадлежит М. Горькому: «Есть кочка зрения и точка зрения. Это надобно различать <...> С высоты кочки не много увидишь. Точка зрения — нечто иное: она образуется в результате наблюдения, сравнения, изучения литератором разнообразных явлений жизни». Автор благодарит В. И. Беликова за данное уточнение.

чительная отклонения от семантики МЗ и ИС были уже описаны выше в отношениях сходства. Под **антонимическим преобразованием МЗ** естественно понимать замену лексемы-МЗ на антоним в широком смысле, ср. (9а-г).

- (9) а. *Я мажу джем на черную икру, / Маячат мне и близости и дали, — / На жиже — не на гуще мне гадали, — [вместо: гадать на кофейной гуще] / Я из народа вышел поутру — / И не вернусь, хоть мне и предлагали. [В. Высоцкий]*
 в. *Потому что потом у вас же и в остальных империях в результате все тех же противоречий сгорело всякого барахла на миллиарды драм: ипподромы и велодромы, кунсткамеры и рейхстаги, мосты и механические мастерские. А уж библиотекам сам черт велел [вместо: сам бог велел]: ведь — папирус. Отвлекитесь от ваших потусторонних забот и взгляните окрест: пепелища. [Саша Соколов] г. *Погодите немного, говорил он [Член], построят тут продовольственные и другие культурно-просветительные учреждения, и тогда вас отсюда палкой не загонишь [вместо: палкой не выгонишь]. [А. Зиновьев]**

Литература

1. Абрамович И. М. Об индивидуально-авторских преобразованиях фразеологизмов и отношении к ним фразеологического словаря // Проблемы фразеологии, Л., 1964.
2. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста. М., 2007.
3. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. М., 2008.
4. Баранов А. Н., Паршин П. Б. Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание // Роль языка в средствах массовой коммуникации. М.: ИНИОН, 1986.
5. Баранов А. Н., Паршин П. Б. Воздействующий потенциал варьирования в сфере метаграфемы // Проблемы эффективности речевой коммуникации. М.: ИНИОН, 1989.
6. Диброва Е. И. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке, Ростов н/Д., 1981.
7. Лавров Н. И. Факультативные элементы фразеологического значения диалектных ФЕ // Актуальные проблемы русской фразеологии. Л., 1983.
8. Мелерович А. М., Мокшенко В. М. Фразеологизмы в русской речи. М., 1997.
9. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика // М.: Новое литературное обозрение, 2002.
10. Якобсон Р. О. О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М.: 1978. С. 16–24.

4. Заключение

Исследование варьирования в идиоматике не должно ограничиваться описанием и исчислением возможных форм модификации идиом. Большой интерес представляет семантика варьирования — те преобразования значения, которые сопровождают формальное варьирование, а также его дискурсивные функции. Операция замены компонентов идиомы демонстрирует разнообразие формальных вариантов, которые, однако, по большей части сводятся к игровым употреблением (разумеется, небольшой процент приходится на ошибки и оговорки). Это объясняется в первую очередь тем, что наличие (в большинстве случаев) базовой формы, хорошо ощущаемой носителями языка, затрудняет полное отождествление вариантов и тем самым ограничивает возможность использования этого механизма для скрытого речевого воздействия. Однако это не является препятствием для порождения дополнительных «слоев» семантики, на которых и основывается феномен языковой игры. В вырожденном случае игра просто сводится к феномену «мерцания смысла» — от одного смыслового плана к другому и наоборот — даже при отсутствии семантических связей этих планов друг с другом.